УЗКАЯ ПОЛОСА ЗЕМЛИ

ТРАН МАЙ НАМ

Южный Вьетнам

Женщины на дорогах

ЛЮТ дожди. Вода в небе, вода на земле. Душный слой испарений пронизывает лес, где растут платаны, кедры, тис. Земля расплзается под ногами. Тропа, по которой мы идем, — сплошные обнаженные корни, путаница корней. Кажется, что корни шевелятся — они усеяны пиявками. То и дело приходится сбрасывать с себя этих липких тварей.

А дождь льет и льет. Поля наших полотняных панам обвисли. Несмотря на нейлоновые шарфы, которыми мы плотно укутываем горло, вода проникает под одежду. Рис, спрятанный в «герметические» мешочки, начинает пускать ростки. Сердце сжимается у меня, когда я замечаю красные пятна ржавчины на моем пистолете, хотя я тщательно и обильно смазал его, — кобура полна воды. Промокший вещевой мешок стал вдвое тяжелее.

Вечером, когда мы доберемся до поста, удастся ли развести огонь и обсушиться?

Ку Ранг, который идет впереди меня, вдруг наклоняется и поднимает рыжую мертвую обезьянку. На ее теле нет ни одной раны, стало быть, она умерла не от осколка бомбы или от пули. Скорей всего, она, промокшая под дождем, задохнулась от холода ночью и свалилась с дерева.

Сегодня с самого утра мы идем позади транспортного отряда Армии освобождения. В отряде почти одни женщины. Они тащат на спине громоздкие грузы: деревянные ящики, обитые жестом по углам, тюки. С этой тяжелой ношей женщины пробираются по топким местам, карабкаются по «обезьяньим мостам», поднимаются на скалистые склоны ущелий.

Когда налетают особенно яростные порывы ветра или когда нам попадаются трудные участки пути, я смотрю на женщин, и мне кажется, что они говорят мне: «Крепись, ветер и дождь не так уж страшны, а дорога все-таки проходима».

Наш караван останавливается перед огромным поваленным стволом дерева, лежащим поперек пути. Кора дерева, цвета ржавчины, вся изъедена маленькими белесыми грибами. Мы огибаем это препятствие. Навстречу нам идет группа данконгов¹. Они пропускают нас, отойдя к краю

¹ Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 11 за 1970 год.

¹ Данконги — гражданское население, добровольно помогающее фронту.

тропы. Старик с жалкими остатками волос на голове, на котором всего и одежды-то — набедренная повязка, протягивает мне руку. Запинаясь на каждом слове, он говорит:

— Дождь... У меня нейлон был... сегодня весь порвался... Все, все промокло... Когда кончится война... построю себе большой дом... из кирпичей... Когда дождь... буду сидеть дома...

За спиной старика большая корзина, покрытая листьями. Вереочные лямки врезались в костлявые плечи. Старик несет соль. Соль в горах дорожке жемчуга. Мне говорили, что горцы, годами не видящие соли, перенося этот ценный груз на спине, не притрагивались ни к одной крупинке. «Соль принадлежит революции», — считают они.

Один из нашей группы тоже подходит к старику.

— Добрый день, — говорит он. — Что, трудно-ва-то делать революцию, не так ли?

Старик поворачивается к нему и, повысив голос, отвечает:

— Трудно. Но кто этого боится, тот пусть остается с американцами.

— Совершенно правильно. Вы разбираетесь во всем еще лучше нас.

— Значит, вы просто испытывали меня, — разочаровывается старик.

Сквозь шум дождя послышались звуки гитары. Молоденькая девушка, почти девочка, несущая большой тюк за спиной, играет на крошечной гитаре, напевая: «Армии народа, армии революции наша любовь...».

— Такая молоденькая и уже носите грузы по дорогам? — спрашивает один из нас. — Разве в вашем возрасте берут работать с данконгами?

Девушка прерывает игру. Вскидывает блестящие глаза на сурового небритого мужчину, задавшего ей вопрос:

— Почему вы меня спрашиваете об этом, товарищ? Разве американские бомбы убивают не всех одинаково?

Тихий голос девушки обезоруживает моего спутника. Он молчит. Девушка хочет что-то еще сказать, но раздумывает. Она снова берет за гитару. Она улыбается.

Перед очередным крутым подъемом наш караван располагается на отдых. Женщины снимают свою ношу, усаживаются на камни и закуривают. Их трубки сделаны из обожженной глины или из патронных гильз.

А дождь продолжает лить.

Немного спустя появляется Ку Ранг. Он идет с трудом — вчера у него был приступ малярии. Ему советовали остаться, он отказался. У него большой тюк за спиной. Вчера во время переправы через реку на плоту он слегка замочил свою ношу. Это страшно расстроило Ку Ранга.

— Я не выполнил свой долг, — мрачно повторял он, — мне было сказано беречь тюк от воды.

Партийный работник из центра, которого сопровождает Ку Ранг, старается успокоить его:

— Не стоит огорчаться. Ваш тюк хорошо упакован, его содержимое не должно промокнуть.

Но все же Ку Ранг печально вздыхал и молчал весь день.

— Вам не тяжело идти? Сможете добраться до поста? — спрашиваю я, когда он, сняв свою драгоценную ношу и аккуратно поставив ее на камень, присаживается возле меня.

— Конечно, смогу.

Потом он обращается к человеку из центра:

— Вы не знаете товарища Сака?

— Какого Сака?

— Он раньше работал в деревне А-Рум.

Партийный работник из центра отрицательно качает головой.

— А зачем вам нужен товарищ Сак?

— Девушка, которая с гитарой, спрашивала меня. Она из деревни Та-Ой. Сак одно время жил у них в доме. Ее родители послали с ней 15 мер риса для Сака. На всякий случай, если он где встретится ей.

Товарищ из центра мрачнеет.

— Нести в подарок 15 мер риса, даже не зная адреса! Ее корзина и так тяжела от дождя.

Он вынимает табакерку и свертывает сигарету желтыми от никотина пальцами.

Отряд данконгов поднимается, чтобы продолжать путь. Молоденькая девушка с гитарой доверчиво смотрит на нас. Она ждет, что ей скажут адрес Сака. Мне жаль разочаровывать ее.

— Это вы спрашивали о Саке? — говорит партийный работник.

Девушка с улыбкой смотрит на него. Она вытирает капли дождя, стекающие по лицу.

— Товарища Сака послали на важное задание. Используйте рис для себя, к чему нести лишнюю тяжесть?

Против моего ожидания, девушка не огорчилась, она все так же улыбалась, глаза ее блестели.

— Я тоже думала, что не разыщу его. Мне родители сказали: возьми на всякий случай, а вдруг он тебе встретится.

Девушка присоединяется к своей группе и снова берет в руки гитару. Их растянувшийся караван медленно проходит мимо нас.

— Кан Пок! — вдруг окликает товарищ из центра женщину в черной одежде с розовыми бусами на шее.

Женщина оборачивается и останавливается.

— А ваш малыш?

— Идет со мной. Вон он.

Она показывает на мальчика, закутанного в голубой лоскут нейлона, из-под которого торчат его тонкие ноги. У мальчика за спиной корзина.

— Но я спрашивал про самого младшего.

— Он тоже с нами. Брат несет его в корзине.

Товарищ из центра снова хмурится.

— Как же партийные руководители вашей деревни разрешили вам идти с малышами?

— Мне не разрешили. Я сама. Что я могу дать революции? Пусть мне трудно... Нет ли у вас табачку?

Товарищ высыпает ей всю свою табакерку.

— Есть ли хоть рис у вас?

— А зачем? У меня есть маннока.

— Маннока! Возьмите мой рис для малышей, мне дали дополнительный паек на несколько дней.

В поисках весны

Весны тут нет,
Бредешь в воде по пояс.
Мосты, цветы и села сожжены.
Но знамя Фронта¹ означает поиск
И радости, и дома, и весны.

Крадешься с голодухи за бататом —
Враг вынюхает, высмотрит твой след.
И все-таки идешь таким богатым,
И слышишь птиц, и ловишь лунный свет...

Те, что стары, те, что еще безусы,
Тебе помогут голод побороть:
Дадут корзинку вкусной кукурузы
И соли драгоценную щепоть.

А ты, чья чистота под стать вершине,
Чей стан весенней поросли под стать,
Лишь слово долгожданное скажи мне —
Я топь и мрак сумею обуздать.

И чудеса свершаются, как в детстве,
И так черты любимые ясны,
Что кажется район военных действий
Районом жизни, счастья и весны.

Перевела с вьетнамского
Тамара Жирмунская

¹ Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама.

Он отвязывает от пояса мешочек с рисом и протягивает женщине.

— Нет, нет! — отказывается она. — Младший еще не ест риса, а для старшего тоже есть маннока.

— Не хотите так, давайте хоть поменяемся на манноку.

Он приоткрывает ее корзину, накрытую пальмовыми листьями, вынимает один клубень и кладет на его место мешочек с рисом.

Дождь все льет и льет. Такой дождь в горах Труонг-Сон может идти целый месяц без прерыва.

Стаи обезьян, обычно криками встречающие наше появление, куда-то совершенно исчезли. Наверно, забралась в пещеры и вылавливают блох друг у дружки. А птицы, конечно, улеглись на западный склон горного хребта, где сейчас стоит жара. У нас говорят: «Когда на одном склоне дождь, на другом сияет солнце».

И только люди идут, идут, идут под проливным дождем.

(Окончание следует)